

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-3-428-448

EDN: VJYBJQ

Научная статья / Research article

Повестка национальной безопасности африканских участников и партнеров БРИКС

Е.А. Абрамова , **Д.А. Зеленова**

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

 ekaterina_abramova23@mail.ru

Аннотация. По итогам XVI саммита БРИКС 2024 г. три государства Африки (Алжир, Нигерия и Уганда) получили право быть представленными в формате в качестве государств-партнеров. Расширяется не только география, но и тематическая повестка деятельности БРИКС, где наряду с вопросами развития центральное место занимают проблемы обеспечения безопасности (в том числе на Африканском континенте). Однако и сама концепция безопасности за несколько последних десятилетий кардинально изменилась: от традиционного представления о безопасности как состоянии защищенности государства от внешних угроз военного характера к комплексному подходу, позволяющему рассматривать различные измерения (политическое, социально-экономическое, технологическое, экологическое) в их взаимосвязи. Принимая во внимание концепцию секьюритизации, предложенную Копенгагенской школой исследований безопасности, авторы представили африканские страны БРИКС+ (участников — Южно-Африканская Республика (ЮАР), Египет, Эфиопия и новых партнеров — Уганду и Нигерию) в качестве акторов, формулирующих повестку национальной безопасности. Фокус исследования был направлен на то, какие угрозы обозначаются в официальном дискурсе этих стран, каким отводится приоритетное значение, каким образом это аргументируется и соотносится с особенностями национального контекста. Решаемая исследовательская проблема соотносится с задачами российской внешней политики по углублению взаимодействия со странами Африки в сфере безопасности (в том числе в рамках БРИКС). Кроме того, исследование может представлять значимость для дальнейшего теоретического осмысления незападного дискурса по вопросам безопасности. Представлен сравнительный анализ соответствующих доктринальных документов, принятых в ЮАР, Эфиопии, Уганде и Нигерии. Анализ повестки национальной безопасности Египта был проведен главным образом на основе выступлений официальных лиц стран на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Отдельно была рассмотрена проблема противоречий между Египтом и Эфиопией относительно использования р. Нил через призму подхода, основанного на взаимозависимости водных, энергетических и продовольственных ресурсов. Изучены также стратегические документы в сфере кибербезопасности Египта, ЮАР, Нигерии и Уганды. Авторы пришли к выводу, что при очевидных расхождениях в национальных подходах к обеспечению безопасности (в том числе на этапе идентификации и ранжирования угроз) страновые стратегии отвечают глобальным тенденциям секьюритизации проблематики развития и усложнения предметного поля концепта безопасности.

Ключевые слова: угрозы, секьюритизация, Африка, ЮАР, Египет, Эфиопия, Нигерия, Уганда

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Абрамова Е.А.: концептуализация, разработка методологии и теоретической рамки, написание текста. Зеленова Д.А.: концептуализация, написание текста. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Абрамова Е.А., Зеленова Д.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Абрамова Е. А., Зеленова Д. А. Повестка национальной безопасности африканских участников и партнеров БРИКС // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 3. С. 428–448. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-428-448>

The National Security Agenda of the African Participants and Partners of the BRICS

Ekaterina A. Abramova , Daria A. Zelenova

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
 ekaterina_abramova23@mail.ru

Abstract. Following the 16th BRICS Summit in 2024, three African states — Algeria, Nigeria and Uganda — were granted the designation of partner states. The geographical scope and thematic agenda of BRICS activities are expanding, with development and security issues (including on the African continent) occupying a central place. However, the concept of security itself has undergone a significant transformation in recent decades, evolving from the traditional state security paradigm, which focused on countering external military threats, to a more comprehensive approach that encompasses various dimensions, including political, socio-economic, technological and environmental. Referring to the concept of securitization proposed by the Copenhagen School of security studies, the authors proceed from the need to present the African BRICS+ countries (South Africa, Egypt, Ethiopia as member-states, Uganda and Nigeria as new partners) as actors formulating the national security agenda. The present study focuses on the threats identified in the official discourse of these countries, which ones are prioritized and how this is argued in relation to the specifics of the national context. The research problem being solved aligns with the objectives of Russian foreign policy to strengthen interaction with the countries of the African continent in the field of security (including through BRICS). Furthermore, the study could contribute to a deeper theoretical understanding of non-Western discourse on security issues. The article provides a comparative analysis of the relevant doctrinal documents adopted in South Africa, Ethiopia, Uganda and Nigeria. The analysis of the national security agenda of Egypt was conducted mainly through the examination of official speeches delivered at the UN General Assembly. The problem of contradictions between Egypt and Ethiopia regarding the use of the Nile River was examined through the prism of an approach based on the interdependence of water, energy and food resources. Strategic documents in the field of cybersecurity of Egypt, South Africa, Uganda and Nigeria were not ignored. Despite obvious differences in national approaches to ensuring security, the authors concluded that country strategies respond to global trends of securitizing development issues and complicating the scope of the security concept.

Key words: threats, securitization, Africa, South Africa, Egypt, Ethiopia, Nigeria, Uganda

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. E.A. Abramova: conceptualization, development of the research methodology and theoretical framework, text writing; D.A. Zelenova: conceptualization, text writing. Both authors have read the final version of the article and approved it.

For citation: Abramova, E. A., & Zelenova, D. A. (2025). The national security agenda of the African participants and partners of the BRICS. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(3), 428–448. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-3-428-448>

Введение

По итогам XVI саммита БРИКС, состоявшегося в Казани в октябре 2024 г., обозначилась третья волна расширения диалогового формата. Алжир, Нигерия и Уганда получили возможность быть представленными в БРИКС на правах государств-партнеров.

Таким образом, африканское измерение деятельности БРИКС приобретает все более широкий и комплексный характер, но не только с точки зрения географических масштабов. В принятой на саммите в Казани декларации «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» подтвердились устремления стран БРИКС

взаимодействовать на основе предельно широкого мандата, не ограничиваясь торговыми и финансовыми аспектами. Как справедливо отмечают российские аналитики¹, текст документа построен на тонко выверенном балансе между повесткой в сфере безопасности и вопросами развития.

Проблематика безопасности фигурирует во всех без исключения декларациях саммитов БРИКС (то есть с 2009 г.), причем как в традиционном (военном) ее понимании, так и в сопряжении с вопросами развития и международного сотрудничества (Дегтерев, 2024а, с. 40–41). Африканские страны рассматривают БРИКС в качестве международной площадки для продвижения национальных интересов в сфере безопасности. Неслучайно в текстах Йоханнесбургской² и Казанской деклараций³ присутствует небезызвестная фор-

мула «Африканским проблемам — африканские решения» (см. подробнее: (Денисова, Костелянец, 2023)).

Теоретические рамки и методология исследования

За последние десятилетия концепт безопасности претерпел существенную эволюцию — от традиционного подхода, приравнивающего обеспечение безопасности к отражению военных угроз и использованию силы, к более широкому толкованию данного понятия (Baldwin, 1997; Buzan, 1997). Нередко вызовы в сфере безопасности обусловлены уязвимостью самой государственной системы, то есть имеют внутреннее происхождение. Тем не менее внешние факторы легального и экстралегального характера представляют не меньший вызов системе национальной безопасности, а в ряде случаев им отдается приоритет над внутренней повесткой. Эксперты нередко обращаются к концепции «регионального комплекса безопасности» (*regional security complex*) (см., например: (Идахоса и др., 2023; Walsh, 2020)) применительно к странам, безопасность которых не может рассматриваться в отрыве друг от друга (Buzan & Wæver, 2003). Актуальность данной концепции в контексте Африки обусловлена помимо прочего высокой степенью проницаемости национальных границ, что создает благоприятные условия для эффекта «перелива» (*spillover effect*).

Во времена холодной войны исследования проблем безопасности были сфокусированы на военной атрибутике последней: как правило, между понятиями *Security Studies*, *Military Studies* и *War Studies* ставился знак равенства, а остальные вопросы, не подчинявшиеся логике военной силы, попадали под категорию так называемой «низкой политики» (*low politics*) (Baldwin, 1997, p. 9). Таким образом, концепт безопасности долгое время оставался вне поля теоретического дискурса,

¹ Картунов А. В. «Манифест нового мирового порядка»: разбираем Казанскую декларацию БРИКС // Российский совет по международным делам. 25.10.2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/manifest-novogo-mirovogo-poryadka-razbiraem-kazanskuyu-deklaratsiyu-briks/> (дата обращения: 01.11.2024).

² XV Саммит БРИКС. Йоханнесбургская декларация-II «БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности». Сэндтон, Гаутенг, ЮАР. Среда, 23 августа 2023 года // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: [https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d08d/6272/6906/a461/0000/original/%D0%A5%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D1%82_%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1_%D0%98%D0%CC%D0%BE%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_\(%D0%B3_%D0%98%D0%CC%D0%BE%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3_%D0%AE%D0%90%D0%A0_24_%D0%B0%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0_2023_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0\).pdf?1732890765](https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d08d/6272/6906/a461/0000/original/%D0%A5%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BC%D0%B8%D1%82_%D0%91%D0%A0%D0%98%D0%9A%D0%A1_%D0%98%D0%CC%D0%BE%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_(%D0%B3_%D0%98%D0%CC%D0%BE%D1%85%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%B1%D1%83%D1%80%D0%B3_%D0%AE%D0%90%D0%A0_24_%D0%B0%D0%B2%D0%B3%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0_2023_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0).pdf?1732890765) (дата обращения: 18.06.2025).

³ XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 18.06.2025).

выступая, скорее, ярлыком, нежели содержательно наполненным смысловым конструктом (Baldwin, 1997, p. 9).

Существенную динамику процессу теоретического осмысления безопасности на рубеже веков придала плеяда исследователей из Копенгагена (в частности, такие знаковые фигуры, как Б. Бузан и О. Вэйвер), ставившие перед собой амбициозную задачу «заново создать концепцию безопасности» (см. подробнее: (Гайдаев, 2021)). Следует заметить, что в дебатах между сторонниками традиционного и широкого подхода к определению безопасности представители Копенгагенской школы открыто не занимали чью-либо сторону: конечной целью ученые видели не определение границ предметного поля концепта безопасности, а логики, в соответствии с которой эти границы устанавливаются (Buzan, 1997, pp. 13–14).

Как справедливо заметил Б. Бузан, содержание понятия «безопасность» настолько же вариативно, насколько разнообразен определяющий его национальный контекст. Национальную безопасность⁴ невозможно привязать к стандартному набору параметров и тем более — свести к одному из них (военному потенциалу) (Buzan, 1983, p. 43). В этой связи представляет ценность введенная в научный оборот Копенгагенской школой *теория секьюритизации*. В данном процессе *секьюритизирующий актор* формулирует повестку безопасности, высвечивая насущные угрозы для *референтного объекта*. Таким образом, вызовы как военного, так и невоенного характера входят в повестку безопасности (то есть секьюритизируются), когда политическая, интеллектуальная элита обращает на них внимание государства и общества, представляя их в качестве экзистенциальной угрозы (Buzan, 1997, pp. 13–14). Например, экологическая и экономическая повестки в международных отношениях были секьюритизированы еще в 1970–1980-х гг., проблема

международной преступности — в 1990-х гг. и т. д. (Buzan, 1997, pp. 8–9).

Секьюритизация повестки развития (как, впрочем, и девелопментализация безопасности) нашла концептуальное воплощение в конструкте связки «безопасность — развитие» (*security — development nexus*), который выражается формулой «*Нет безопасности без развития, как и развития без безопасности*». Хотя в трудах представителей Копенгагенской школы, датированных 1990-ми гг., в числе нетрадиционных измерений безопасности не упоминалась сфера содействия развитию, отставание в развитии на рубеже веков обращает на себя все большее внимание в числе угроз безопасности в международном дискурсе (Бартенев, 2011). Интеграции предложенного в 1980-х гг. шведским ученым Б. Хеттне концепта «связки» в международно-политический дискурс во многом поспособствовало появление в 1990-х гг. концепции «человеческой безопасности» (*human security*)⁵, а события 11 сентября 2001 г. в США послужили мощнейшим катализатором для того, чтобы вопросы развития перешли в разряд «высокой политики» (Бартенев, 2015).

Закрепление проблематики безопасности в мандате БРИКС можно отнести к 2012 г., когда дефиниция «безопасность» стала составной частью названия саммита в Нью-Дели. При всей зыбкости концепта «связки» странам БРИКС удалось увязать вопросы безопасности и развития не только в теории, но и на практике (Бокерия, 2020). Процесс секьюритизации различных аспектов устойчивого развития отражен и в декларациях саммитов БРИКС, где в качестве вызовов безопасности из года в год указывается проблема продовольственного обеспечения, а также достаточно регулярно выделяются энергетическое и информационное измерения безопасности (Дегтерев, 2024а, с. 40–41). С 2015 г. в повестку безопасности БРИКС

⁴ Б. Бузан выделял три уровня для анализа безопасности (безопасность индивидов, национальная и международная безопасность), уделяя приоритетное внимание в своих исследованиях национальному уровню. См.: (Гайдаев, 2021, с. 23).

⁵ В противопоставление традиционному подходу к безопасности сторонники данной концепции выдвигали на передний план защиту индивида и общества. Провозглашалось два основополагающих принципа: «свобода от страха» (*freedom from fear*) и «свобода от нужды» (*freedom from want*).

были включены проблемы в сфере здравоохранения, которые получили стремительное развитие в декларациях 2019–2022 гг. на фоне пандемии COVID-19 (Дегтерев, 2024а, с. 40–41).

Дискурс скандинавских теоретиков безопасности не чужд и африканской интеллектуальной среде, в которой безопасность представляется субъективным, многоаспектным и до конца не определенным социальным конструктом (см., например: (Human Security and Sustainable Development in East Africa, 2023, pp. 47–48)). В особенности такой тезис применим в отношении сложной конфликтогенной среды в странах Африки южнее Сахары, где повестка безопасности напрямую зависит от того, кем и по какому принципу она формулируется (Human Security and Sustainable Development in East Africa, 2023, pp. 47–48).

Фокус данного исследования направлен на Южно-Африканскую Республику (ЮАР) (участник БРИКС с 2011 г.), Египет, Эфиопию (присоединились на правах участников по итогам XV саммита в Йоханнесбурге с 1 января 2024 г.), Уганду и Нигерию (партнеры БРИКС с января 2025 г.)⁶ с точки зрения в первую очередь их акторной, а не объектной роли в формулировании повестки национальной безопасности. Представляется, что такая постановка исследовательской проблемы отвечает не только прикладным задачам российской внешней политики в рамках БРИКС, но и современным научным трендам в осмыслении незападных подходов к обеспечению безопасности (Худайкулова, 2020; Миротворчество в многополярном мире, 2024). Авторы акцентировали внимание на том, какие угрозы фигурируют в повестке национальной безопасности рассматриваемых стран, каким образом происходит ранжирование угроз и обоснование такого выбора секьюритизирующим актором.

Методология исследования базируется на сравнительном анализе доктринальных документов в сфере национальной безопасности

соответствующих стран (определяющих в том числе политику в киберпространстве) и анализе официального дискурса, представленного в различных источниках. Так, по причине отсутствия в информационном поле документов в сфере национальной безопасности Египта происходило обращение к стенограммам выступления и видеоматериалам Генеральной Ассамблеи (ГА) ООН (2022–2024 г.)⁷.

Эволюция стратегии безопасности ЮАР после апартеида

Главным трендом в определении стратегии национальной безопасности демократической ЮАР являлось существенное переосмысление самого концепта безопасности, а именно — отход от авторитарной политики внутренних и внешних угроз времен апартеида к новому демократическому пониманию безопасности (Africa, 2015). Первое правительство национального единства 1994–1997 гг. под руководством Н. Манделы опубликовало серию стратегических документов по государственной безопасности (табл. 1), в которых были сформулированы ее новые основы: сокращение роли национальных вооруженных сил, а также включение борьбы с нелегальной иммиграцией и транснациональной преступностью в сферу внешней безопасности.

Кроме того, произошло смещение фокуса внешней безопасности на региональные угрозы, было определено новое место демократической ЮАР в международных отношениях. Внутренними угрозами (преступность и социальные беспорядки) стало заниматься реформированное подразделение полиции, в задачи которого входило вернуть доверие жителей страны к новым силам правопорядка, утраченное во времена апартеида. В концептуальном плане главной особенностью нового подхода к безопасности стало включение человеческого измерения (*human security*).

⁶ На момент написания данной статьи Алжир не подтвердил статус партнера БРИКС.

⁷ General Debate. General Assembly — All Sessions // United Nations. URL: <https://gadebate.un.org/en/sessions-archive> (accessed: 15.11.2024).

Таблица 1. Угрозы национальной безопасности в доктринальных документах ЮАР

Документ	Год	Специфика	Угрозы
Белая книга п о разведке: проект правительства ЮАР (<i>White Paper on Intelligence</i>)	1994	– Новый документ демократического правительства, который заложил структуру для нынешних разведывательных структур ЮАР – Представлено новое широкое определение безопасности и национальных интересов, внедрение системы сдержек и противовесов и уважения прав человека. Безопасность рассматривается как целостное явление и включает в себя политические, социальные, экономические и экологические вопросы. Цели политики безопасности выходят за рамки достижения отсутствия войны и включают стремление к демократии, устойчивому экономическому развитию и социальной справедливости – Политика региональной безопасности направлена на продвижение принципов коллективной безопасности, ненападения и мирного разрешения споров.	Уязвимость ЮАР перед международными наркокартелями, которые используют территорию страны как транзитный маршрут Рост деятельности иностранных / враждебных разведывательных служб и агентов в экономической, технологической и научной областях
Белая книга национальной обороны ЮАР (<i>National Defence White Paper</i>)	1996	– Первый документ по безопасности, написанный новым правительством «черного большинства» – Безопасность рассмотрена комплексно – Ограничение внешней роли вооруженных сил страны, но отведение особой роли для обеспечения региональной стабильности через миротворческие операции с Сообществом развития Юга Африки (САДК). Контроль над вооружениями — признание окончания холодной войны – Приоритет — защита внутренней целостности и демократии в ЮАР. Важность приобретают новые для постапартеидной ЮАР невоенные измерения безопасности	Внутренние: бедность и неравенство, унаследованные от апартеида Внешние: региональная нестабильность; маргинализация Африки и слабая роль в международных институтах
Рамочный документ национальной кибербезопасности (<i>National Cybersecurity Policy Framework</i>)	2012	Направлен на усиление киберзащиты и защиту критически важной информационной инфраструктуры от киберпреступности и терроризма. Особое внимание уделено безопасности человека (<i>human security</i>)	Транснациональные: организованная преступность, изменения климата (продовольственная безопасность), региональная нестабильность
Белая книга национальной безопасности ЮАР (<i>Safety and Security White Paper: Draft</i>) Статус: черновик	2015	Интегрированный подход к безопасности (<i>safety + security</i>), сопряжение целей с Национальным планом развития – 2030	Внутренние: преступность, бедность, неравенство Внешние: традиционные и нетрадиционные

Источник: составлено Е.А. Абрамовой и Д.А. Зеленовой на основе: Intelligence White Paper // South African Government. January 1995. URL: <https://www.gov.za/documents/white-papers/intelligence-white-paper-01-jan-1995#:~:text=The%20goal%20of%20this%20White,relevant%2C%20credible%20and%20reliable%20intelligence> (accessed: 03.04.2025); National Defence White Paper // South African Government. May 1996. URL: <https://www.gov.za/documents/white-papers/national-defence-white-paper-01-may-1996> (accessed: 03.04.2025); National Cybersecurity Policy Framework // South African Government. December 4, 2015. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201512/39475gon609.pdf (accessed: 03.04.2025); Safety and Security White Paper: Draft // South African Government. March 3, 2015. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201503/38526gen178.pdf (accessed: 03.04.2025).

Так, демократическая ЮАР в духе целостное) прочтение безопасности как взаимосвязи защиты от внешних угроз (*security*) и нового холистического (то есть комплексное, обеспечения стабильности (*safety*). В новых

стратегических документах ЮАР прописывается связка «безопасность — развитие»⁸. Таким образом, бедность и неравенство стали главными угрозами внутренней безопасности страны, а главными целями новой политики безопасности были обозначены стремление к демократии, устойчивому экономическому развитию и социальной справедливости.

Итоги внедрения руководством ЮАР новых концептов в жизнь весьма противоречивы. С одной стороны, на международной арене за 30 лет демократии страна показала себя как ответственный и лидирующий участник обеспечения мира и безопасности в регионе, выступая в миротворческих миссиях в странах — членах Сообщества развития Юга Африки (САДК) (например, в Мозамбике). Южноафриканский контингент (самый многочисленный среди задействованных сил объединения — около 1,8 тыс. чел.⁹) участвовал в Миссии САДК в Демократической Республике Конго (ДРК), развернутой в 2023 г. для оказания поддержки конголезскому правительству в восстановлении мира в восточных районах страны. Важным вкладом ЮАР в определение региональной безопасности является разработка концепции региональной безопасности САДК, включая подготовку рамочных соглашений региональной организации для борьбы с транснациональной преступностью и последствиями катастроф, а также предоставление гуманитарной помощи.

Что касается внутренней безопасности, то подходы ЮАР к ней неоднозначны. Забота о безопасности граждан в ЮАР делегирована отчасти в руки их самих. В Плане национального развития до 2030 г. прописана роль

«активного гражданина», который сам возьмет на себя ответственность за мониторинг преступности в сообществах¹⁰. Несмотря на то, что прогрессивная Конституция ЮАР 1996 г. гарантирует всем жителям доступ и к адекватному жилью, и к бесплатному образованию, а также к бесплатному медицинскому здравоохранению и прочие социальные блага¹¹, уровень неравенства в распределении этих благ в стране остается крайне высоким¹². Самым печальным итогом имплементации новых подходов к внутренней безопасности ЮАР является практически полная несостоятельность полиции в борьбе с организованной преступностью и связанная с ней тяжелая ситуация с личной безопасностью граждан. Сегодня «демократическая» ЮАР известна как самая небезопасная страна в мире по ряду показателей¹³.

¹⁰ National Development Plan. Vision for 2030 // Department of Forestry, Fisheries and the Environment, Republic of South Africa. November 11, 2011. URL: https://www.dffe.gov.za/sites/default/files/docs/ndp_vision_2030.pdf (accessed: 17.06.2025).

¹¹ Constitution of the Republic of South Africa, 1996 // South African Government. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution/constitution-republic-south-africa-1996-04-feb-1997> (accessed: 17.06.2025).

¹² Коэффициент Джини для ЮАР равен 0.63. См.: Gini Coefficient for South Africa (2014) // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=ZA> (accessed: 19.01.2025). Официальный уровень безработицы в 2024 г. — 34 %. См.: Unemployment Rate in Southern Africa from 2014 to 2025 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1323958/unemployment-rate-in-southern-africa/> (accessed: 19.01.2025).

¹³ Например, по Индексу глобальной безопасности (Global Security and Safety Index) в 2024 г. ЮАР занимала 144-е место (из 163) в рейтинге самых опасных стран мира. Согласно государственной статистике, в 2024 г. ЮАР имела самый высокий уровень похищений людей в Африке. См.: Number of Kidnappings in South Africa from 2022/23 to 2023/24 // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1400928/number-of-kidnappings-in-south-africa-by-province/> (accessed: 19.01.2025). Уровень уличных протестных выступлений в стране также можно оценить как один из самых высоких в Африке.

⁸ Это отчетливо просматривается в стратегическом документе страны «План национального развития до 2030 года» (*National Development Plan, NDP 2030*). В плане развивается идея децентрализованного государства, которое при активном участии граждан должно искоренить бедность и неравенство.

⁹ САДК договорились о выводе войск из захваченного повстанцами города Гомы в ДРК // ТАСС. 29.03.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23546705> (дата обращения: 25.06.2025).

Повестка национальной безопасности в доктринальных документах Эфиопии, Уганды и Нигерии

Эфиопия: сначала внутреннее, потом внешнее

Под руководством премьер-министра М. Зенауи (1995–2012) Эфиопия на рубеже веков избрала курс на ускоренное развитие. За основу была принята модель восточноазиатских стран, предполагавшая активную борьбу с бедностью, исторически характерную для страны сильную роль государства и индустриализацию на основе развития сельского хозяйства (Дегтерев, 2024b). Сокращение государственного участия в экономике, как объяснял премьер-министр, само по себе не способно решить проблему отставания в развитии африканских стран. Таким образом, модель развития Эфиопии тяготела скорее к западным образцам, в большей степени характерным для стран БРИКС (Дегтерев, 2024b), и была построена на противопоставлении господствовавшей в то время неолиберальной модели (Gebresenbet, 2014, pp. S66–S67).

Секьюритизация повестки развития определила подход правительства Эфиопии к разработке доктринального документа в сфере внешней политики и национальной безопасности (2002 г.)¹⁴, который в тексте документа выражен емкой формулой: «*Сначала внутреннее, потом внешнее*» (*domestic first, external second*). Примечательно, что в определяющей ориентире международной политики стратегии звучит решимость сосредоточить усилия на внутреннем фронте работ. Главная угроза безопасности имеет внутреннюю природу и коренится в трех основных «недугах» Эфиопии — бедности (слово в тексте упомянуто более 20 раз!) (Дегтерев, 2024b, с. 139–140), отсталости и неэффективном управлении (табл. 2). Уязвимости госу-

дарственной системы Эфиопии, как демонстрирует исторический опыт страны, могут быть использованы во вред внешними силами, а также спровоцировать внутренний хаос, поэтому быстрое развитие является гарантией выживания нации.

Важно подчеркнуть, что документ в редакции от 2002 г. в настоящее время действует в неизменном виде, что дает повод для критики относительно его актуальности. В тексте не отражены ключевые метаморфозы в двусторонних отношениях со странами региона (например, подписание в 2018 г. совместной декларации о мире и дружбе с Эритреей, положившее конец 20-летней войне). Несмотря на преемственность власти в стране¹⁵, за прошедшее с момента принятия документа время изменились и внутрисистемные параметры. Однако стенограммы выступлений официальных лиц Эфиопии на сессиях ГА ООН подтверждают, что десекуритизации проблем бедности и неравенства в эфиопском дискурсе за последние годы не произошло¹⁶. Так, в 2024 г. они были обозначены главой МИД Эфиопии Т.А. Селассие (с октября 2024 г. занимает должность президента страны) с трибуны ГА ООН в качестве экзистенциальных угроз наряду с гонкой вооружений и климатическими изменениями¹⁷.

Уганда: сдерживание угроз извне

Республика Уганда на протяжении нескольких десятилетий сохраняет статус «очага региональной стабильности» во многом благодаря политической системе, выстроенной в годы президентства Й. Мусевени, кото-

¹⁴ The Federal Democratic Republic of Ethiopia Foreign Affairs and National Security Policy and Strategy. November 2002. Addis Ababa : Ministry of Information, 2002 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2002_Ethiopia.pdf (accessed: 18.06.2025).

¹⁵ Возглавляемый М. Зенауи Революционно-демократический фронт эфиопских народов (РДФЭН) был преобразован в Партию процветания под руководством А. Ахмеда, премьер-министра Эфиопии с 2018 г.

¹⁶ Этому есть вполне рациональное объяснение: несмотря на то, что с начала 2000-х гг. уровень бедности в стране упал более чем в два раза (с 58 % в 1999 г. до 27 % — в 2015 г.), Эфиопия по-прежнему входит в число наименее развитых стран мира. См.: World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 14.11.2024).

¹⁷ 79th General Debate Session — Ethiopia // United Nations. September 27, 2024. URL: <https://gadebate.un.org/en/79/ethiopia> (accessed: 12.01.2025).

рый занимает свой пост с 1986 г. Лидеру страны удалось обернуть появление в конце 1980-х гг. вооруженной группировки «Армия сопротивления Господа» в Уганде «в свою пользу, заработав имидж „последовательного борца с терроризмом“», что позволило привлечь военно-политическую поддержку и экономические преференции со стороны западных партнеров¹⁸. Однако Уганда переняла от западных доноров (крупнейшие из которых — США и Европейский союз (ЕС)) не только проблему зависимости от внешней помощи¹⁹ (фигурирует в списке угроз национальной безопасности), но и в каком-то смысле — концептуальные установки, которые нашли отражение и в Белой книге в сфере обороны от 2004 г.²⁰ В унисон с передовыми западными идеями в документе был зафиксирован подход, основанный на взаимосвязи проблем безопасности и развития. Соответственно, следом за внешними угрозами национальной безопасности (вооруженное иностранное вторжение, рейды незаконных вооруженных формирований, миграционные потоки²¹) в ранжированный список были включены факторы нестабильности внутреннего происхождения (табл. 2). К последним относятся среди прочего нетрадиционные аспекты безопасности, то есть экономические, экологические и социальные: «Эти угрозы как оказывают прямое воздействие на благосостояние граждан, так и имеют

долгосрочный пагубный эффект в контексте политической стабильности в стране»²². Не случайно измерение безопасности было также отражено и в Повестке развития Уганды до 2040 г.²³ Согласно документу, обеспечение безопасности — непереносимое условие для социально-экономической трансформации, демократического развития и сохранения национального единства. В выступлении на сессии ГА ООН в 2022 г. вице-президент Уганды Дж. Алуло заявила, что вопросы мира, безопасности и развития неразрывно связаны и что работа на данных направлениях должна осуществляться параллельно²⁴.

Холистический подход к безопасности четко обозначается и в более актуальном документе — Плане развития сектора безопасности Уганды от 2015 г. Дефиниция безопасности в документе достаточно пространная и выводится через категорию свободы — жизни, действий и выбора, «свободы от угроз и давления любого происхождения, способных ущемить основные права, нанести вред благополучию жителей Уганды и надлежащему функционированию системы государственного управления»²⁵. В итоге безопасность представляется в документе не только многоаспектной, но и в широком смысле до конца не определенной концепцией. Несмотря на ряд нововведений (например, вместо угроз безопасности в менее алармистской форме называются факторы, определяющие стратегическую обстановку в сфере безопасности; в соответствии с духом времени фигурируют риски в киберсфере и т. д.) (табл. 2),

¹⁸ Денисова Т. С. Президентские выборы 2021 г. в Уганде // Институт Африки Российской академии наук. 29.03.2021. URL: <https://www.inafran.ru/node/2435> (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁹ В партнерстве с БРИКС Уганда видит возможность для диверсификации источников финансирования и сокращения зависимости от западных институтов помощи. См. подробнее: Уганда рассчитывает привлечь инвестиции через сотрудничество с БРИКС // Африканская инициатива. 11.01.2025. URL: <https://afrinz.ru/2025/01/uganda-rasschityvaet-privlech-investicziy-cherez-sotrudnichestvo-s-briks/> (дата обращения: 12.01.2025).

²⁰ White Paper on Defence Transformation. Republic of Uganda. June 2004 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2004_Uganda.pdf (accessed: 18.06.2025).

²¹ Миграционный кризис в Уганде остается крайне острым и по сей день и упоминается из года в год в выступлениях официальных лиц государства на сессиях ГА ООН.

²² White Paper on Defence Transformation. Republic of Uganda. June 2004. P. 19 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2004_Uganda.pdf (accessed: 18.06.2025).

²³ Uganda Vision 2040. National Planning Authority, the Republic of Uganda // Green Policy Platform. URL: <https://www.greenpolicyplatform.org/sites/default/files/downloads/policy-database/UGANDA%20Vision%202040.pdf> (accessed: 18.06.2025).

²⁴ 77th General Debate Session — Uganda // United Nations. September 22, 2022. URL: <https://gadebate.un.org/en/77/uganda> (accessed: 12.01.2025).

²⁵ Security Sector Development Plan 2015/16–2019/20. Republic of Uganda, September 2016. P. 12 // National Planning Authority of Uganda. URL: <https://www.npa.go.ug/wp-content/uploads/2023/03/Security-Sector-Plan-SSDP2015.2020new.pdf> (accessed: 18.06.2025).

в целом в Плане подтверждается приверженность обозначенному в более ранних документах подходу к обеспечению национальной безопасности.

Приоритетность внешней повестки над внутренней в обеспечении безопасности Уганды обусловлена в первую очередь особенностями ее географического положения. Незащищенность границ природными барьерами делает страну уязвимой для различных конфликтогенных факторов, характеризующих Регион Великих Озер, то есть для «эффекта перелива» («Уганда находится в сердце охваченного конфликтом региона», — говорится в Белой книге от 2004 г.²⁶). Относительно небольшие по меркам региона размеры страны не позволяют ей долго обороняться. В связи с отсутствием доступа к морским путям сообщения безопасность цепочек поставок также находится в прямой зависимости от региональной конъюнктуры. В таких условиях Уганда избрала упреждающую региональную стратегию, направленную на сдерживание потенциальных противников и минимизацию степени угрозы извне. Существенная доля внимания отводится участию в миротворческих инициативах в рамках Восточноафриканского сообщества (ВАС), Межправительственной организации по развитию (ИГАД), Африканского союза (АС). Усилия Й. Мусевени по интеграции Руанды, Бурунди (2007 г.) и Республики Южный Судан (2016 г.) в ВАС способствуют оформлению регионального комплекса безопасности в Восточной Африке (Walsh, 2020, pp. 312–313). Членство в региональных и международных организациях фигурирует в числе факторов, определяющих обстановку в сфере безопасности: эти площадки важны для проецирования влияния и продвижения национальных интересов Уганды, а также создают дополнительные международные обязательства для Кампалы²⁷.

²⁶ White Paper on Defence Transformation. Republic of Uganda. June 2004. P. 17 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2004_Uganda.pdf (accessed: 18.06.2025).

²⁷ Security Sector Development Plan 2015/16–2019/20. Republic of Uganda, September 2016. P. 16 // National

Нигерия: границы между внутренним и внешним размыты

Стратегия национальной безопасности (СНБ) Нигерии от 2019 г.²⁸ стала результатом пересмотра первого доктринального документа в этой области, принятого в 2014 г. Пришедшая к власти в 2015 г. администрация президента М. Бухари (2015–2023), отмечается в СНБ-2019, столкнулась с экзистенциальной угрозой в лице «Боко Харам»²⁹, которая к тому моменту находилась на пике своей активности и контролировала значительную часть территории на северо-востоке страны. Терроризм сохраняет статус угрозы номер один в повестке обеспечения национальной безопасности. Нигерия из года в год входит в мировую десятку стран, наиболее подверженных террористическим атакам³⁰. Из-за активизации деятельности «Боко Харам» с середины 2010-х гг. укрепление сотрудничества со странами региона бассейна о. Чад, очага терроризма, приобрело ключевую роль во внешней политике Нигерии (одна из инициатив — Многонациональная объединенная целевая группа, созданная для противодействия радикальным исламистским группировкам) (Костелянец, Океке, 2021, с. 62–63). Экономическая система Нигерии находилась в не лучшем положении, повсеместная коррупция разрушала общественное доверие к правительству.

Обновленная СНБ была призвана отразить меняющийся контекст (обострение конфликтов между скотоводами и фермерами, эскалация насилия и бандитизма и др.),

Planning Authority of Uganda. URL: <https://www.npa.go.ug/wp-content/uploads/2023/03/Security-Sector-Plan-SSDP-2015.2020new.pdf> (accessed: 18.06.2025).

²⁸ National Security Strategy. Federal Republic of Nigeria. December 2019 // The National Counter Terrorism Centre, Office of the National Security Adviser. URL: <https://nctc.gov.ng/storage/2024/01/NSS-2019.pdf> (accessed: 18.06.2025).

²⁹ Внесена Советом Безопасности ООН в список террористических организаций в 2014 г.

³⁰ Global Terrorism Index 2024: Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. February 2024. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/02/GTI-2024-web-290224.pdf> (accessed: 18.06.2025).

требующий адаптации подходов к новым, более комплексным по своей природе вызовам и угрозам. Разработчики стратегии намеренно отказались проводить разграничительные линии между внутрисистемными и внешними факторами уязвимости (табл. 2).

В визуализированном виде подход Абуджи к определению угроз национальной безопасности мог бы иметь вид «паутины», где внешнее тесно переплетается с внутренним, аспекты социально-экономической жизни — с императивами политики и безопасности.

Таблица 2. Соотношение внутренних и внешних угроз национальной безопасности в доктринальных документах Эфиопии, Уганды и Нигерии

Страна	Документ	Год	Специфика	Угрозы
Эфиопия	Политика и стратегия Эфиопии в области иностранных дел и национальной безопасности (<i>The Federal Democratic Republic of Ethiopia Foreign Affairs and National Security Policy and Strategy</i>)	2002	Приоритет отдается внутренней повестке (борьбе с бедностью). Внешние угрозы — продолжение внутренних. Список угроз четко не сформулирован	Бедность
				Отсталость (экономическая, технологическая и т. д.) Незрелость системы государственного управления
Уганда	Белая книга в сфере обороны (<i>White Paper on Defence Transformation</i>)	2004	— Есть четкое разделение на внутренние и внешние угрозы. Приоритет отдается реагированию на внешние угрозы — Обозначена четкая корреляция между повесткой безопасности и развития	Небезопасность границ Дестабилизирующее внешнее влияние Политическая нестабильность Экологическая нагрузка и ограниченность ресурсов Недостаточное развитие человеческого капитала Внутренняя небезопасность Экономические потрясения Поляризация общества Гражданские бедствия
	План развития сектора безопасности на 2015/2016–2019/2020 гг. (<i>Security Sector Development Plan 2015/2016–2019/2020</i>)	2015	— Список угроз не представлен, вместо этого выделяются факторы, определяющие стратегическую обстановку в сфере безопасности (см. столбец «Угрозы») — Выдвигается холистический подход к безопасности — Признается многоаспектность безопасности, ее внутреннее и внешнее измерения	Геостратегический контекст Небольшая стратегическая глубина Трансграничные природные ресурсы Климатические изменения Проницаемые границы Размер и природа экономической системы Вызовы в киберсфере Вызовы в энергетической сфере Дефицит социальной сплоченности Вызовы в сфере здравоохранения Негативные последствия глобализации
Нигерия	Стратегия национальной безопасности (<i>National Security Strategy</i>)	2019	— Признается размытость границ между внешними и внутренними факторами риска (поэтому нет четкого деления угроз на внутренние и внешние) — Обозначена взаимосвязь между экономикой и национальной безопасностью	Терроризм и насильственный экстремизм Вооруженный бандитизм, похищение, сепаратизм Конфликт между скотоводами и земледельцами Транснациональная организованная преступность Пиратство и морской грабеж Проницаемость границ Киберпреступления и вызовы в технологической сфере

Окончание табл. 2

Страна	Документ	Год	Специфика	Угрозы
				Угрозы в социально-политической сфере
				Фейковые новости и разжигание ненависти
				Экологические угрозы
				Угрозы в секторе здравоохранения
				Вызовы в сфере экономики (энергодифицит, преступления, связанные с сырой нефтью, безработица и бедность, глобальные экономические вызовы)
				Региональные и глобальные вызовы безопасности

Источник: составлено Е.А. Абрамовой и Д.А. Зеленовой на основе: The Federal Democratic Republic of Ethiopia Foreign Affairs and National Security Policy and Strategy. November 2002. Addis Ababa : Ministry of Information, 2002 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2002_Ethiopia.pdf (accessed: 18.06.2025); White Paper on Defence Transformation. Republic of Uganda. June 2004 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2004_Uganda.pdf (accessed: 18.06.2025); Security Sector Development Plan 2015/16–2019/20. Republic of Uganda, September 2016. P. 12 // National Planning Authority of Uganda. URL: <https://www.npa.go.ug/wp-content/uploads/2023/03/Security-Sector-Plan-SSDP2015.2020new.pdf> (accessed: 18.06.2025); National Security Strategy. Federal Republic of Nigeria. December 2019 // The National Counter Terrorism Centre, Office of the National Security Adviser. URL: <https://nctc.gov.ng/storage/2024/01/NSS-2019.pdf> (accessed: 18.06.2025).

К примеру, одна из острых проблем национальной безопасности страны, имеющая международное измерение, — пиратство в Гвинейском заливе. Территориальные воды Нигерии представляют зону высокого риска для осуществления международных морских перевозок, что не только связано с проблемой морского патрулирования, но и обнажает проблемы более внутрисистемного характера (в первую очередь высокий уровень безработицы в стране). Другой пример — конфликт между скотоводами и земледельцами, где отчетливо проявляется взаимосвязь между социально-экономическими и экологическими факторами. Последствия изменения климата и демографического бума обостряют проблему дефицита ресурсов (земельных, водных и др.) и конкуренцию за них. Демографическое богатство страны, как и ресурсное, рассматриваются в двух ипостасях: как дивиденд для развития и одновременно — точки уязвимости. Не случайно, что в числе угроз национальной безопасности Нигерии обозначены преступления, связанные с сырой нефтью. Кроме того, как признает Абуджа, экономика Нигерии в высокой степени зависима от экспорта сырой нефти, а значит, — и от конъюнктуры мировых энергетических рынков³¹.

³¹ National Security Strategy. Federal Republic of Nigeria. December 2019. P. 15 // The National Counter

Официальный дискурс Египта по вопросам обеспечения национальной безопасности

Вопросы безопасности традиционно являются приоритетными для Арабской Республики Египет (АРЕ) как во внутренней, так и во внешней политике (Piazza, 2019), что в немалой степени обусловлено особенностями географического положения страны (Mushoffa & Juniatama, 2020, p. 1600). Расположенный на территории Египта Суэцкий перешеек соединяет Африку с Азией, связывая страну с ближневосточным комплексом безопасности (табл. 3). Как отмечают российские исследователи, при всем бесспорном статусе региональной державы в масштабах Африканского континента государство начало позиционировать себя как африканское только с 2014–2017 гг., а до этого отдавало предпочтение преимущественно панарабской солидарности (Лошкарёв, Протасов, 2024). Синайский п-ов и Суэцкий канал, можно сказать, являются «ахиллесовой пятой» национальной безопасности Египта, в особенности в связи с неурегулированным палестино-израильским конфликтом. Эскалация конфликтов на Ближнем Востоке негативным

Terrorism Centre, Office of the National Security Adviser. URL: <https://nctc.gov.ng/storage/2024/01/NSS-2019.pdf> (accessed: 18.06.2025).

образом влияет на морское судоходство в Аденском заливе и Красном море, нарушает глобальные цепочки поставок³². Так, в 2023 г. напряженность в Красном море привела к потере до 50 % прибыли от эксплуатации Суэцкого канала, важного источника средств для бюджета Египта³³.

Таблица 3. Ключевые проблемы безопасности, обозначенные Египтом в ходе заседаний Генеральной Ассамблеи ООН в 2022–2024 гг.

Год	Проблемы безопасности				
	Водный кризис	Палестино-израильский конфликт	Сирийский кризис	Ливийский кризис	Кризис в Судане
2024	+	+	+	+	+
2023	+	+	+	+	+
2022	+	+	+	+	+

Источник: составлено Е.А. Абрамовой и Д.А. Зеленовой по: General Debate. General Assembly — All Sessions // United Nations. URL: <https://gadebate.un.org/en/sessions-archive> (accessed: 15.11.2024).

Противодействие терроризму и экстремизму остается главным фронтом обеспечения национальной безопасности Египта³⁴. Пришедшая к власти в 2014 г. администрация президента А. ас-Сиси развернула антитеррористическую операцию на севере Синайского п-ова, где в связи с образовавшимся в ходе революционных потрясений «вакуумом власти» укрепились исламистские организации радикального толка. Существует мнение, что Каир, позиционируя себя в качестве гаранта безопасности от исламистской угрозы, использует это для как укрепления своих

региональных позиций, так и для подпитки легитимности военного режима (Piazza, 2019).

Объясняя повестку безопасности африканских стран через объектив связки «вода — энергия — продовольствие»: кейс Эфиопии и Египта

В начале 2010-х гг. в политический и научный дискурс стремительно входит концепт «связки», основанный на взаимозависимости водных, энергетических и продовольственных ресурсов (*water — energy — food nexus*). Глобальный спрос на эти базисные ресурсы продолжит свой рост на фоне поступательно направленных мегатрендов в сфере демографии, экономического и технологического развития.

На сельское хозяйство приходится 70 % от общего мирового забора пресной воды, что делает этот сектор экономики крупнейшим потребителем данного ресурса. Кроме того, вода используется при производстве или транспортировке энергии, которая, в свою очередь, задействована в производстве и цепочках поставок продовольствия (около 30 % от общего объема потребляемой в мире энергии), а также в добыче, транспортировке и очистке водных ресурсов. Таким образом, по мере расширения масштабов человеческой деятельности закономерно будет набирать обороты и конкуренция за доступ к соответствующим ресурсам между различными секторами хозяйственной системы, в том числе энергетическим, агропромышленным и водоснабжающим³⁵. Связка «вода — энергия — продовольствие» заключается в осознании зачастую противоречащих друг другу интересов и их искусном управлении при сохранении целостности экосистемы³⁶.

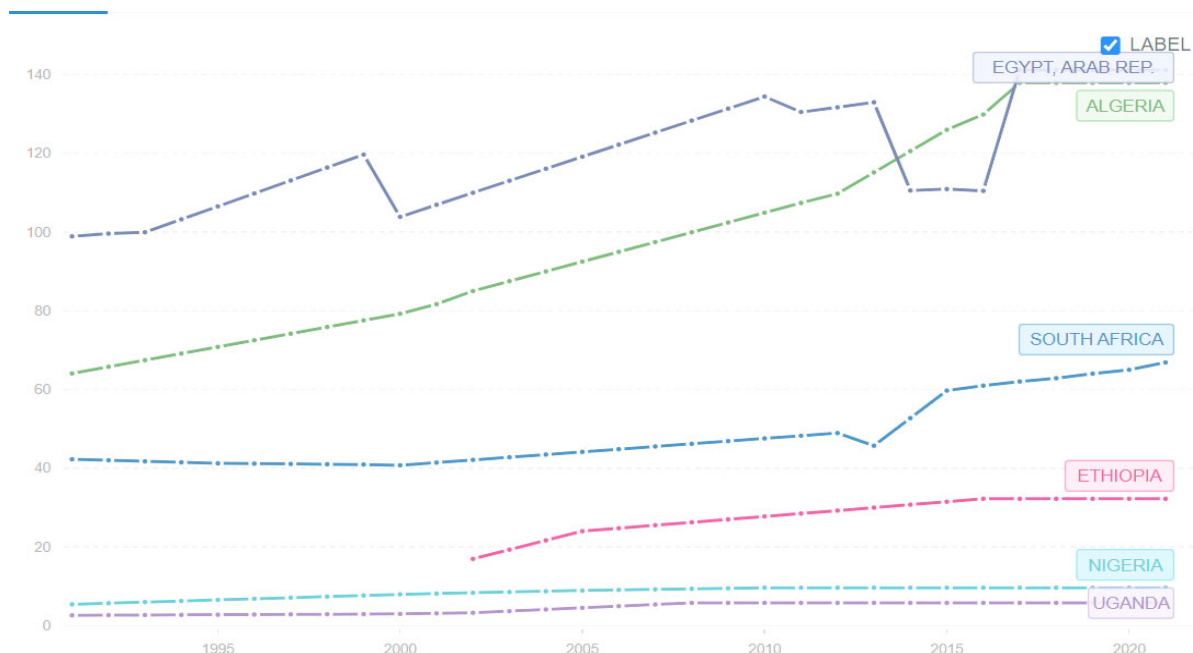
³² President El-Sisi's Speech at BRICS Plus Summit // State Information Service of Egypt. October 24, 2024. URL: <https://www.sis.gov.eg/Story/197576/President-El-Sisi's-Speech-at-BRICS-Plus-Summit?lang=en-us> (accessed: 14.11.2024).

³³ Доходы Суэцкого канала снизились более чем на 20 % из-за ситуации в Красном море // ТАСС. 18.07.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21393749> (дата обращения: 14.11.2024).

³⁴ Army Ready to Protect Egypt National Security, Confront Challenges: Spokesperson (Interview) // Ahramonline. October 15, 2024. URL: <https://english.ahram.org.eg/News/533496.aspx> (accessed: 14.11.2024).

³⁵ The Water — Energy — Food Nexus: A New Approach in Support of Food Security and Sustainable Agriculture // Rome : Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2014. P. 1, 3. URL: <https://openknowledge.fao.org/server/api/core/bitstreams/86fe97cc-4a38-4511-a37f-8eb8ea8fe941/content> (accessed: 18.06.2025).

³⁶ Water — Energy — Food Nexus // Food and Agricultural Organization of the United Nations. URL: <https://www.fao.org/land-water/water/watergovernance/waterfoodenergynexus/en/> (accessed: 13.11.2024).

Уровень водного стресса (забор пресной воды в % от имеющихся запасов пресной воды) в Уганде, Нигерии, Эфиопии, ЮАР, Алжире и Египте в 1991–2021 гг.

Источник: Level of Water Stress: Freshwater Withdrawal as a Proportion of Available Freshwater Resources — South Africa, Algeria, Egypt, Arab Rep., Ethiopia, Nigeria, Uganda // World Bank Group.

URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ER.H2O.FWST.ZS?end=2021&locations=ZA-DZ-EG-ET-NG-UG&start=1991> (accessed: 14.11.2024).

Водные ресурсы играют центральную роль в этой трехкомпонентной конфигурации, выступая в качестве контрольной переменной. Вода незаменима в производстве биомассы, необходимой для энергетической и продовольственной безопасности в рамках «зеленой» экономики (Hoff, 2011, p. 16). Данные, отображенные на рисунке, демонстрируют, насколько остро может стоять проблема обеспечения водными ресурсами в повестке национальной безопасности африканских стран. Предельно иллюстративны примеры стран Магриба (Египет, Алжир) с показателями уровня водного стресса, превышающими отметку в 100 %.

Источники таких дефицитных ресурсов попадают в фокус секьюритизации и нередко становятся предметом межгосударственных противоречий, как это произошло в случае с проблемой использования вод р. Нил. В стратегии внешней политики и национальной безопасности Эфиопии от 2002 г. воды Нила обозначены в качестве ключевого раздражителя в отношениях с Египтом. Признавая, что египетская цивилизация была построена на

священных водах Нила, Аддис-Абеба оправдывает свое право на использование водных богатств тем, что не менее 85 % вод, поступающих в Египет по данной артерии, происходит из Эфиопии (по притоку Голубой Нил). Политика египтян предстает в документе стремлением навязать Эфиопии свое единоличное право³⁷, основанное на ошибочной логике «игры с нулевой суммой»³⁸.

Представляется, что река Нил имеет сакральное значение для египтянина не только исходя из культурно-исторического контекста, но и по вполне объективным и рациональным причинам: ее воды обеспечивают жизнеспособность 98 % динамично растущего населения страны. Занимающая ключевое место в структуре египетской экономики

³⁷ По договору, заключенному в 1959 г. между Египтом и Суданом, Эфиопия не получала никаких прав на использование водных богатств Нила.

³⁸ The Federal Democratic Republic of Ethiopia Foreign Affairs and National Security Policy and Strategy. November 2002. Addis Ababa: Ministry of Information, 2002. P. 112, 117–119 // University of Surrey. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2002_Ethiopia.pdf (accessed: 18.06.2025).

сельскохозяйственная отрасль целиком питается за счет вод Нила, обеспечивая приблизительно 40 % спроса на рабочую силу в стране (Abdulrahman, 2019, p. 142). Несмотря на неоднократную смену власти за период существования независимого египетского государства, риторика правящей верхушки в отношении значения р. Нил, в сущности, сохраняла свой «решительный» и в какой-то мере даже «воинствующий» тон. Президент Египта (1970–1981) А. Садат угрожал в адрес Эфиопии применением силы в случае нарушений прав египетского народа на использование Нила; президент страны ас-Сиси (с 2014 г.) рассматривает этот вопрос в категориях жизни и смерти (Abdulrahman, 2019, pp. 137, 144).

Вполне закономерна реакция Египта на строительство Эфиопией плотины «Возрождение», крупнейшей в Африке ГЭС, которая расположена на Ниле. «При всем уважении права эфиопского народа на развитие, оно не может быть реализовано за счет права египетского народа на жизнь и выживание», — заявляла египетская сторона на сессии ГА ООН в 2022 г.³⁹ По прогнозам Каира, реализация эфиопского проекта катастрофическим образом отразится как на продовольственной, так и на энергетической безопасности Египта (по некоторым прогнозам, объемы генерации энергии Асуанской плотинной сократятся до трети (Abdulrahman, 2019, p. 142)), не говоря уже о сопутствующих экономических и экологических последствиях. Следует, однако, заметить, что как в «Стратегии увеличения и управления водными ресурсами 2050» от 2018 г., так и в других плановых и стратегических документах Египта не допускается вероятность наступления сценария, при котором будет сокращен объем поступления водных ресурсов в страну. Эксперты квалифицируют это как возможный признак уверенности египетских властей в том, что такую ситуацию они попросту не допустят⁴⁰.

³⁹ General Debate of the 77th Session — Egypt: His Excellency Sameh Hassan Shoukry Selim, Minister for Foreign Affairs // United Nations. URL: <https://gadebate.un.org/en/77/egypt> (accessed: 15.11.2024).

⁴⁰ Веселов Ю. А. О стратегии Египта в обеспечении внутренних потребностей страны в водных ресурсах // Институт Ближнего Востока. 05.05.2021. URL:

Администрации Х. Мубарака (1981–2011) в значительной степени удалось отрезать Эфиопию от внешнего финансирования, переориентировав эфиопское руководство на поиск внутренних источников для реализации масштабного проекта по строительству плотины. Здесь речь идет не только об осуществлении планов Аддис-Абебы стать крупнейшим производителем энергии в Восточной Африке, но и об обеспечении бесперебойной подачи электроэнергии на территории самой Эфиопии (Брагин, 2012).

Таким образом, проблема использования вод р. Нил, тесно сопрягающаяся с вопросами продовольственной и энергетической безопасности, рассматривается египетской и эфиопской сторонами в категориях национальной безопасности. Причем если в доктринальном документе Эфиопии⁴¹ была заложена формулировка о возможности нахождения взаимоприемлемого решения по этому вопросу, то в риторике Каира скорее прослеживается бескомпромиссность. Категоричная позиция египетских властей может быть объяснена данными, отображенными на рисунке, а также исторически сложившейся спецификой расселения египтян вдоль берегов Нила. Река Нил играет огромное значение одновременно во всех измерениях триады «вода — энергия — продовольствие» экономики АРЕ⁴². Напротив, для Аддис-Абебы использование водных ресурсов притока Голубой Нил связано прежде всего с вопросами обеспечения энергетической безопасности, которые остро стоят в повестке государственного развития⁴³.

<http://www.iimes.ru/?p=77067> (дата обращения: 15.11.2024).

⁴¹ The Federal Democratic Republic of Ethiopia Foreign Affairs and National Security Policy and Strategy. November 2002. Addis Ababa : Ministry of Information, 2002. P. 112–119. URL: https://www.surrey.ac.uk/sites/default/files/2024-09/2002_Ethiopia.pdf (accessed: 18.06.2025).

⁴² Хотя в случае с энергетикой — в меньшей степени, так как основная доля электрогенерации в Египте (порядка 90 %) приходится на тепловые электростанции. См. подробнее: (Волков, Шарова, 2018).

⁴³ Почти половина населения Эфиопии не имеет доступа к электричеству. См.: World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 14.11.2024).

Таблица 4. Структурные блоки в стратегиях кибербезопасности Египта, ЮАР, Уганды и Нигерии

Государство, год принятия документа	Список угроз	Спецификация (угрозы)	План действий	Временные рамки	Распределение компетенций	Распределение ресурсов
Египет (2018)	+	1. Проникновение в критическую ИКТ-инфраструктуру 2. Кибертерроризм и кибервойны 3. Кража цифровой «идентичности» и персональных данных	+	+	–	–
ЮАР (2012)	+	1. Киберпреступность 2. Кибертерроризм 3. Кибервойны 4. Кибершпионаж	+	–	+	–
Уганда (2014)	–	–	+	–	–	–
Уганда (2022)	–	–	+	+	+	–
Нигерия (2021)	+	1. Киберпреступность 2. Кибертерроризм и использование интернета террористическими организациями 3. Эксплуатация детей в интернете 4. Гендерная эксплуатация в интернете 5. Вмешательство в выборы 6. Киберугрозы, вызванные последствиями пандемии COVID-19 7. Другие угрозы	+	+	+	–

Источник: составлено Е.А. Абрамовой и Д.А. Зеленовой на основе: Ajijola A.-H., Allen Nate D. F. African Lessons in Cyber Strategy // Africa Center for Strategic Studies. March 8, 2022. URL: <https://africacenter.org/spotlight/african-lessons-in-cyber-strategy/> (accessed: 12.11. 2024).

Реагируя на вызовы современности: стратегия кибербезопасности африканских стран

Процесс секьюритизации не обошел стороной и информационное пространство, которое стало рассматриваться в качестве одной из сфер национальной безопасности (Рамич, Пискунов, 2022, с. 246). С освоением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) появляются все новые вызовы и угрозы, связанные, например, с атаками на критическую инфраструктуру стран, злонамеренным вторжением в информационное пространство и т. д. Африканский континент — наиболее подверженный киберугрозам регион в мире. В 2017 г. ущерб африканских стран от преступлений в киберпространстве составил 3,5 млрд долл. США (ЮАР — в числе главных пострадавших, там ущерб от кибератак составил 157 млн долл. США) (Панцеров, 2022, с. 294). Очевидно, что такие

показатели связаны с проблемой развития соответствующей инфраструктуры и шире — обеспечения технологического суверенитета (Панцеров, 2022, с. 292). Около 40 африканских стран разработали законодательное регулирование в киберпространстве (Панцеров, 2022, с. 292). Однако менее половины государств континента располагают национальными стратегиями в сфере кибербезопасности, причем единицы из них (табл. 4) содержат необходимые смысловые блоки (определение угроз, план действий, временные рамки, распределение компетенций и ресурсов)⁴⁴.

Среди африканских участников БРИКС стратегия кибербезопасности существует у ЮАР, Нигерии, Уганды (в числе первых на континенте приняли соответствующие

⁴⁴ Ajijola A.-H., Allen Nate D. F. African Lessons in Cyber Strategy // Africa Center for Strategic Studies. March 8, 2022. URL: <https://africacenter.org/spotlight/african-lessons-in-cyber-strategy/> (accessed: 12.11.2024).

документы), а также у Египта. В соответствии с курсом Эфиопии на ускоренное развитие доктринальным документом в цифровой сфере является стратегия «Цифровая Эфиопия – 2025» (*Digital Ethiopia 2025*), ориентирующая страну на пути инновационной экономики. Вместе с тем, несмотря на такую «зрелость» ЮАР, Нигерии и Уганды в отношении регулирования киберсферы, в отчете Международного союза электросвязи (2024 г.) эти страны не попали в первый эшелон государств по уровню обеспечения кибербезопасности: в числе лидеров — Египет, ЮАР — во втором эшелоне (хотя ее национальное законодательное регулирование получило высшую оценку), Эфиопия, Нигерия и Уганда — в третьем эшелоне (из пяти)⁴⁵.

Наиболее комплексный в структурном плане документ был принят в Нигерии (табл. 4). В национальной политике и стратегии кибербезопасности страны подтверждается центральная роль киберпространства в обеспечении национальной безопасности и социально-экономического развития страны (п. 1.2)⁴⁶. Так, в СНБ Нигерии от 2019 г. выражаются опасения относительно роста финансовых и технологических возможностей террористических организаций, что создает угрозу атаки на критическую информационную инфраструктуру⁴⁷. В некоторых аспектах местные экстремистские организации уже превзошли национальное правительство. Например, «Боко Харам» использует более продвинутые в техническом плане дроны по сравнению с аппаратами, имеющимися

в распоряжении нигерийских властей (Панцеров, 2022, с. 297). Кроме того, для разжигания ненависти, пропаганды экстремизма и вербовки новобранцев в террористические сети радикальными группировками используются социальные сети и другие интернет-платформы.

Примечательно также, что в СНБ Нигерии выработан широкий подход к трактовке понятия «кибербезопасность», в рамках которой рассматриваются не только ее технологическое, но и информационное и социальное измерения. Большое внимание уделено проблемам уязвимости различных социальных групп (в частности детей) перед угрозами интернет-пространства, кибербуллингу, клевете и оскорблению человеческого достоинства в информационной среде. Напротив, в стратегии Египта⁴⁸ просматривается ориентация скорее на государственно-центричный подход к кибербезопасности (в числе первоочередных задач — защита критической ИКТ-инфраструктуры и отражение киберугроз, исходящих от иностранных государств и террористических группировок), хотя и аспекты человеческой безопасности в ней также содержатся.

Как и в случае с обновленной Стратегией национальной безопасности, в стратегии кибербезопасности Уганды в новой редакции⁴⁹ нашел отражение холистический подход, продиктованный «комплексной природой киберпространства»⁵⁰. Примечательно, что и

⁴⁵ Global Cybersecurity Index 2024: 5th Edition. International Telecommunication Union, 2024 // ITU Publications. URL: <https://www.itu.int/epublications/publication/global-cybersecurity-index-2024> (accessed: 18.06.2025).

⁴⁶ National Cybersecurity Policy and Strategy. Federal Republic of Nigeria. February 2021 // Nigerian Investment Promotion Commission. URL: <https://www.nipc.gov.ng/product/national-cybersecurity-policy-and-strategy/> (accessed: 18.06.2025).

⁴⁷ National Security Strategy. Federal Republic of Nigeria. December 2019 // The National Counter Terrorism Centre, Office of the National Security Adviser. URL: <https://nctc.gov.ng/storage/2024/01/NSS-2019.pdf> (accessed: 18.06.2025).

⁴⁸ Al-istratigiyya al-wataniyya lil-amn as-sibraniy 2023–2027 [Национальная стратегия кибербезопасности на 2023–2027 гг.] // Министерство коммуникаций и информационных технологий Арабской Республики Египет. (На арабском языке). URL: https://mcit.gov.eg/Upcont/Documents/Publications_1412024000_National_Cybersecurity_Strategy_2023_2027.pdf (accessed: 18.06.2025).

⁴⁹ National Cybersecurity Strategy. Republic of Uganda, 2022 // The National Information Technology Authority-Uganda (NITA-U). URL: <https://www.nita.go.ug/sites/default/files/2024-02/National%20Cybersecurity%20Strategy-UG.pdf> (accessed: 18.06.2025).

⁵⁰ National Cybersecurity Strategy. Republic of Uganda, 2022 // The National Information Technology Authority-Uganda (NITA-U). P. 23. URL: <https://www.nita.go.ug/sites/default/files/2024-02/National%20Cybersecurity%20Strategy-UG.pdf> (accessed: 18.06.2025).

в данном измерении правительство Уганды демонстрирует высокую степень открытости для международного сотрудничества (как в рамках АС, так и на региональном уровне). Будучи приверженной принципам превентивной дипломатии, Кампала выступает за ответственное поведение государств в киберсфере⁵¹. Аналогичный призыв был зафиксирован и в п. 54 Казанской декларации БРИКС, в которой обеспечению безопасности в сфере использования ИКТ отводится большое внимание (на нескольких страницах текста документа общим объемом в 43 страницы)⁵².

Вместо заключения: возможности для взаимодействия по вопросам безопасности в рамках БРИКС

В доктринальных документах в сфере национальной безопасности рассмотренных стран отмечается различие в подходах к определению приоритетных угроз. Правительство Эфиопии отдает предпочтение внутренней повестке (обеспечению благоприятной социально-экономической среды), Уганда — нивелированию угроз извне (посредством превентивной дипломатии). ЮАР, в свою очередь, стремится к соблюдению баланса между внутренним и внешним. В СНБ Нигерии классификация источников угроз по данному принципу и вовсе отсутствует. То же самое касается и регулирования киберсферы, где в разной степени соотносятся государственно-центричный подход и аспекты человеческой безопасности. Однако из такого национального многозвучия

африканской повестки можно вывести некие общие знаменатели.

Во-первых, *широкий, холистический подход стран к определению национальной безопасности* соотносится с повесткой БРИКС, в которой наряду с традиционными аспектами безопасности выделяются ее нетрадиционные измерения (продовольственное, информационное, энергетическое, экологическое, финансовое и др.) (см. подробнее: (Дегтерев, 2024b)). Как представляется, в результате расширения БРИКС за счет новых африканских участников логика сопряжения вопросов безопасности и развития может на долгосрочной основе укрепиться в качестве одной из детерминант в повестке деятельности этого формата.

Во-вторых, отмечается *схожий характер угроз*. Терроризм и преступность, экономическая и технологическая отсталость, неэффективное государственное управление, деградация окружающей среды, вызовы в информационном пространстве — все эти угрозы в той или иной степени артикулируются на официальном уровне в рассматриваемых государствах. В тексте Казанской декларации БРИКС эти «африканские проблемы» нашли достаточно полное отражение⁵³, что весьма наглядно демонстрирует мотивы африканских государств для вступления в объединение. С учетом такого широкого мандата БРИКС не исключено, что этот формат спо-

⁵¹ National Cybersecurity Strategy. Republic of Uganda, 2022 // The National Information Technology Authority-Uganda (NITA-U). P. 36. URL: <https://www.nita.go.ug/sites/default/files/2024-02/National%20Cybersecurity%20Strategy-UG.pdf> (accessed: 18.06.2025).

⁵² XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 18.06.2025).

⁵³ См., например, п. 57: «...Обязуемся активизировать усилия в областях, представляющих взаимный интерес, включая (но не ограничиваясь) торговлю, борьбу с бедностью и голодом, устойчивое развитие, в том числе обеспечение доступа к источникам энергии, воде и продовольствию, топливу, удобрениям, смягчение последствий изменения климата и адаптацию к ним, образование и здравоохранение, профилактику пандемий, обеспечение готовности к ним и реагирование на них». См.: XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года. С. 20 // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 18.06.2025).

собен выступить переговорной площадкой для урегулирования / снижения градуса конфликта между Египтом и Эфиопией вокруг вод р. Нил. Вместе с тем объединение в новом (расширенном) составе, вероятно, будет проявлять бóльшую избирательность в содержательном наполнении повестки своей деятельности, по возможности дистанцируясь от обсуждения вопросов, которые отвечают национальным интересам узкого круга государств из числа участников формата и потенциально могут завести принцип консенсуса «в тупик».

В-третьих, *трансграничный характер угроз* обуславливает важность *регионального измерения* в обеспечении национальной безопасности этих государств, их все более проактивную позицию в формировании региональных комплексов безопасности. Данное обстоятельство необходимо принимать во внимание в качестве одного из внешних факторов, определяющих политику национальной безопасности африканских стран БРИКС и соответственно повестку, продвигаемую ими в рамках объединения. Так, в тексте Казанской декларации отчетливо прослеживается голос не только ЮАР (например, отмечены успехи САДК по стабилизации обстановки в Мозамбике), но и двух новых африканских участников — Египта и Эфиопии. Очаги нестабильности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (сектор Газа и Западный берег⁵⁴, Сирия, Йемен,

Судан), где сосредоточены императивы национальной безопасности Египта, были перечислены в тексте итогового документа⁵⁵. Кроме того, отдельное упоминание получила чувствительная для Египта проблема судоходства в Красном море (п. 33). Удостоился упоминания и регион Африканского Рога⁵⁶, в комплекс безопасности которого тесно вплетена Эфиопия (хотя бы в связи с нерешенной проблемой доступа страны к морским коммуникациям Красного моря).

Важно сделать оговорку о том, что статус партнера БРИКС, как видится на данном этапе, не предполагает прямого участия в формулировании повестки и ориентиров деятельности, а также разработке итоговых деклараций объединения. Речь в первую очередь идет о предоставлении доступа к осуществляемым под эгидой БРИКС проектам и платформам. Тем не менее это не умаляет важности рассмотрения подходов Уганды и Нигерии к обеспечению безопасности, которые могут оказывать если и не прямое, то опосредованное влияние на процесс выработки общих подходов в рамках БРИКС, хотя бы в силу высокой субъектности этих стран в африканской подсистеме международных отношений (в том числе на уровне региональных комплексов безопасности).

комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 18.06.2025).

⁵⁵ XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года. С. 10–14 // Национальный комитет по исследованию БРИКС, Россия. URL: https://nkibrics.ru/system/asset_docs/data/6749/d14d/6272/6906/a464/0000/original/%D0%9A%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B0%D0%B0%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf?1732890957 (дата обращения: 18.06.2025).

⁵⁶ Там же. С. 13.

⁵⁴ В декларации ответственность за эскалацию насилия была возложена на правительство Израиля, что означало дипломатический успех в том числе для ЮАР и Египта, выступавших с решительным осуждением действий израильской стороны. Кроме того, в позитивном ключе были отмечены «постоянные усилия Арабской Республики Египет и Государства Катар, другие региональные и международные усилия, направленные на немедленное прекращение огня, ускорение поставок гуманитарной помощи и вывод израильских войск из сектора Газа» (п. 30). См.: XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 года. С. 11 // Национальный

Поступила в редакцию / Received: 16.11.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 04.04.2025
Принята к публикации / Accepted: 10.06.2025

Список литературы

- Бартенев В. И.* Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2011. Т. 6, № 3. С. 37–50. EDN: MNRPWE
- Бартенев В. И.* Связка «безопасность — развитие» в современных западных исследованиях: от деконструкции к концептуализации // *Международные процессы*. 2015. Т. 13, № 3. С. 78–97. EDN: UXZTYX
- Бокерия С. А.* Концепт «безопасность — развитие» в деятельности БРИКС // *Вестник Томского университета*. 2020. № 454. С. 123–130. <https://doi.org/10.17223/15617793/454/14>; EDN: NUIGLL
- Брагин А. Н.* Эфиопия: «великая дамба возрождения» // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 1. С. 56–58. EDN: OTRMWF
- Волков С. Н., Шарова А. Ю.* Роль электроэнергетики в экономическом развитии Египта // *Контур глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2018. Т. 11, № 5. С. 86–104. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-5-86-104>; EDN: LFQAMI
- Гайдаев О. С.* Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 1. С. 20–32. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32>; EDN: NNEVCH
- Дегтерев Д. А.* Ресуверенизация Африки в контексте формирования нового миропорядка // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024а. № 4. С. 29–48. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-69-4-29-48>; EDN: KVTKGO
- Дегтерев Д. А.* Эфиопия в БРИКС: первый год вместе // *Проблемы национальной стратегии*. 2024б. № 5. С. 132–149. EDN: HVNELR
- Денисова Т. С., Костелянец С. В.* «Африканским проблемам — африканские решения»: миротворчество в деятельности Африканского союза и африканских региональных организаций // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 3. С. 451–465. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-451-465>; EDN: FQDWAU
- Идахоса С. О., Савичева Е. М., Ихидеро С. А., Адебайо К. М.* Комплекс региональной безопасности и динамика угроз государствам Сахеля // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 1. С. 67–87. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-67-87>; EDN: USAWTB
- Костелянец С. В., Океке О. А.* Динамика африканской политики Нигерии в постколониальный период // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2021. № 4. С. 56–71. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2021-57-4-56-71>; EDN: NIRQVL
- Лошкарёв И. Д., Протасов Д. В.* Региональные державы Африканского континента: тенденции и перспективы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2024. Т. 68, № 4. С. 54–65. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2024-68-4-54-65>; EDN: TUAAGR
- Миротворчество в многополярном мире / под ред. С. А. Бокерия, Д. А. Дегтерева. Москва : Аспект Пресс, 2024. EDN: MLCRDA
- Панцерев К. А.* Злонамеренное использование технологий искусственного интеллекта в странах Африки южнее Сахары: вызовы panaфриканской кибербезопасности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 2. С. 288–302. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-288-302>; EDN: RFWMPU
- Рамич М. С., Пискунов Д. А.* Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 2. С. 238–255. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255>; EDN: KSSXFK
- Худайкулова А. В.* Объясняя безопасность Глобального Юга: западные и незападные подходы // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2020. Т. 13, № 3. С. 394–417. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.307>; EDN: ZCPIRP
- Abdulrahman S. A.* The River Nile and Ethiopia's Grand Renaissance Dam: Challenges to Egypt's Security Approach // *International Journal of Environmental Studies*. 2019. Vol. 76, no. 1. P. 136–149. <https://doi.org/10.1080/00207233.2018.1509564>
- Africa S.* Human Security in South Africa // *Strategic Review for Southern Africa*. 2015. Vol. 37, no. 1. P. 178–189. <https://doi.org/10.35293/srsa.v37i1.219>; EDN: VMKCDF

- Baldwin D.* The Concept of Security // Review of International Studies. 1997. Vol. 23, iss. 1. P. 5–26. <https://doi.org/10.1017/S0260210597000053>; EDN: FOQWVB
- Buzan B.* People, States and Fear : The National Security Problem in International Relations. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1983.
- Buzan B.* Rethinking Security after the Cold War // Cooperation and Conflict. 1997. Vol. 32, iss. 1. P. 5–28. <https://doi.org/10.1177/0010836797032001001>; EDN: JQRESF
- Buzan B., Wæver O.* Regions and Powers : The Structure of International Security. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
- Gebresenbet F.* Securitisation of Development in Ethiopia: The Discourse and Politics of Developmentalism // Review of African Political Economy. 2014. Vol. 41, no. S1. P. S64–S74. <https://doi.org/10.1080/03056244.2014.976191>
- Hoff H.* Understanding the Nexus. Background Paper for the Bonn 2011 Conference: The Water, Energy and Food Security Nexus. Stockholm, Sweden : Stockholm Environment Institute, 2011.
- Human Security and Sustainable Development in East Africa / ed. by J. O. Asaka, A. A. Oluoko-Odingo. London, New York : Routledge, 2023.
- Mushoffa E., Juniata A. G.* Egypt's Security Policy in the Post Arab-spring Periods: Pragmatism and Fluidity in the Wake of Renewed Regional Security Threats // Proceedings of the 1st International Conference on Recent Innovations (ICRI 2018), Jakarta, Indonesia. 2020. Vol. 1. P. 1598–1605. <https://doi.org/10.5220/0009932515981605>
- Piazza B. A.* The Foreign Policy of Post-Mubarak Egypt and the Strengthening of Relations with Saudi Arabia: Balancing Between Economic Vulnerability and Regional and Regime Security // The Journal of North African Studies. 2019. Vol. 24, iss. 3. P. 401–425. <https://doi.org/10.1080/13629387.2018.1454650>
- Walsh B.* Revisiting Regional Security Complex Theory in Africa: Museveni's Uganda and Regional Security in East Africa // African Security. 2020. Vol. 13, no. 4. P. 300–324. <https://doi.org/10.1080/19392206.2021.1873507>

Сведения об авторах:

Абрамова Екатерина Александровна — младший научный сотрудник Центра изучения африканской стратегии БРИКС, аспирант, Институт Африки РАН; Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; eLibrary SPIN-код: 3900-3394; ORCID: 0009-0004-6761-4215; e-mail: ekaterina_abramova23@mail.ru

Зеленова Дарья Александровна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, заведующая Центром изучения африканской стратегии БРИКС, Институт Африки РАН; Российская Федерация, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1; eLibrary SPIN-код: 8187-6389; ORCID: 0000-0002-5237-4413; e-mail: d.zelenova@gmail.com